

12+

Анна Пейчева
Осколок

Анна Пейчева

Осколок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66547714

SelfPub; 2021

Аннотация

Столкновение двух миров – это всегда драма. Интеллигентный инженер царской России – и юная комсомолка с лопатой в руках. Холодные расчеты западных специалистов – и горячий энтузиазм метростроителей, вдребезги разбивающих все мыслимые преграды на своем пути... В 1935 году в советских подземных дворцах еще можно было встретить осколки старой буржуазии. Позвольте представить: профессор Григорий Дмитриевич Дубелир, ждавший открытия московского метро, как никто другой.

Анна Пейчева

Осколок

– Аккуратно, держись за поручни!

Строгий женский голос с едва уловимым французским акцентом. Буква «р» мягкая, как малиновое суфле, которое Эскофье подавал в отеле «Риц» на Вандомской площади в Париже.

Так элегантно грассировать может только Мария.

Профессор Григорий Дмитриевич Дубелир взволнованно обернулся. Неужели она? Неужели повезло, вот так, сразу, на эскалаторе станции «Красные ворота»?

Над ним возвышалась дама-богатырь. Пышные формы ее были туго обтянуты праздничным платьем из агиттекстиля. По тонкому ситчику весело раскатывали комбайны и трактора. Тут и там густо колосилась рожь. Внушительную талию опоясывала железная дорога, по которой бежал паровозик. На одном плече паслись тучные стада баранов, по другому – гордо шествовали стада верблюдов. Подол платья призывал выполнить пятилетку за четыре года и сообщал о единстве народа и партии. Необъятную грудь венчали мудрые лица вождей. Такими же портретами размахивали сегодня активисты наверху, на торжественном митинге в честь открытия первого пускового участка Московского метрополитена. Пятнадцатое мая тысяча девятьсот тридцать пятого года, без

сомнения, войдет в историю.

В одной руке дама-богатырь держала промасленный газетный кулек с жареной килькой, а другой ухватила за ухо чумазого мальчишку в застиранной домотканой рубахе, зато в новеньком красном галстук:

– За поручни держись, говорят тебе! И так-то боязно в самое нутро земли спускаться, а этот пострелёнок еще вертится, как волчок, сладу с ним нет!.. Ты, сынок, не дергайся, а по сторонам гляди. Запоминай всё, у меня-то голова дырявая, а в колхозном клубе придётся давать лекцию о подземных диковинах... – Мальчишка посверкивал глазками, пыхтел и пытался высвободиться из железной хватки. Мать сердилась, и ничего французского в ее грубом боевом контральто не было: – Нет, зря я тебя с собой в Москву потащила, вот зря, ей богу! Пионер – всем ребятам пример, а ты что же? Родное село на всю столицу позоришь! Ну, погоди, отцу всё расскажу, дай только срок. Уж выпорот-то отец тебя, выпорот, как сидорову козу! И за штаны, что в трамвае порвал, и за сахар, что лошади извозчика скормил...

Мальчишка захныкал, держась за ухо. Амазонка удовлетворенно кивнула, выпустила непоседу и забросила в рот пару рыбин из кулька.

– Уж казалось бы – всю ночь в очереди на вход промурыжились, – сказала она с набитым ртом. – Должен уж утомиться. Так нет же, вы гляньте, как лестница самоходная его взбудрила. Ух, пострелёнок!

Профессор Дубелир разочарованно отвернулся. Показалось. Это не парижское «р». Это «р» колхозное, с богатырским аппетитом и дурными манерами, проглоченное заодно с жареной килькой.

Он, конечно, не найдет сегодня Марию в этой толпе. И, наверное, никогда не найдет. Что сказать Лидии? Это был их единственный шанс. Как вообще теперь жить дальше?

Григорий Дмитриевич мысленно приказал себе не уподобляться грунтовой дороге в ноябре. Попросту говоря – не раскисать. Надежда еще есть.

Всеобщее воодушевление, царившее на эскалаторе, здорово помогало профессору справиться с нервами, надорванными еще со времен Первой мировой. Разве можно оставаться в унынии, когда вокруг – радостный гул, счастливые лица, озаренные уютным электрическим светом стеклянных шаров. Успокаивающе поскрипывают лакированные дубовые перила, каких и в знаменитой лондонской «трубе» не сыскать. Две лестницы, под завязку забитые первыми пассажирами, работают на спуск. Третья возносит на солнечную улицу пустые ступени – никто пока не желает возвращаться в прошлое, к хамоватым извозчикам всех мастей – лихачам на дутиках, разбитным ванькам, заманивающих седоков визгливыми криками «Ваше сиятельство!», «Ваше благородие!», «Ваша светлость!», а иногда даже и «Ваше императорское высочество!». Достаточно накатались москвичи в пыльных громыхающих кибитках. Людям не терпится самолично ис-

пытать новый транспортный аттракцион столицы.

Эх, если бы они знали, с горечью подумал Григорий Дмитриевич, если бы они только знали, что всё это могло воплотиться в жизнь еще три десятка лет назад... Но сейчас об этом не принято было вспоминать.

Восемнадцатиметровые движущиеся лестницы вылили толпу в просторный трёхсводчатый зал. Народ слаженно ахнул, словно репетировал восторженный выход на перрон неделями. Эхо заполнило шестиугольные и квадратные потолочные кессоны. Профессор Дубелир, объездивший полмира, спускавшийся в сумрачные парижские тоннели, печатавший шаг в бесстрастном берлинском унтергрюндбане, спешивший по холодным коридорам нью-йоркского сабвея, – и то не удержался от возгласа удивления.

Имперская роскошь воцарилась в самом сердце коммунизма. Подземный дворец блистал багровым мрамором. «Красные ворота»... Символичное название. Машинистом тут, должно быть, служит Вергилий.

Да, римский поэт чувствовал бы себя здесь как дома. Григорий Дмитриевич смутно припомнил университетский курс архитектуры. Кажется, это называется монументальный классицизм. Массивные пилоны, ступенчатые карнизы, широкие арки и камерные ниши, так и приглашающие поставить в них статуи Плутона, Прозерпины или, скажем, Улисса.

Однако в Советском Союзе чужим героям делать нечего.

Ближайшую нишу капитально заняла всё та же дама-богатырь в ситцевом платье с тракторами. Амазонка-колхозница громогласно звала своего непутевого сыночка, затерявшегося среди бурлящей толпы. Через пару минут пионер обнаружился на служебной лесенке, ведущий вниз, к рельсам. Мальчишка утверждал, что хотел выяснить, куда же дели всю эту землю, которую отсюда выкопали. За свою страсть к ненужной информации («Много будешь знать – скоро состаришься!») исследователь был прилюдно отодран за уши. Все с большим интересом наблюдали за экзекуцией и давали полезные советы.

Все – кроме Григория Дмитриевича. Профессор Дубелир, придерживая потрепанную твидовую шляпу, продирался сквозь толпу к противоположной платформе. Его сносило течением к приближающемуся поезду – ярко-красному, разумеется, – но Григорий Дмитриевич упрямо стремился прочь. Он не желал кататься в новеньких блестящих вагонах. Он пришел сюда не за этим.

Профессор отчаянно искал Марию. Без конца поправляя круглые очки на переносице, всматривался в мелькающие лица. Нет, нет, конечно, это просто невозможно. То же самое, что найти одну маленькую ленинградскую корюшку в большой стае московских килек.

Григорий Дмитриевич с трудом пробрался к дальней нише, где народу было поменьше, и устало прислонился к ледяной каменной стене. Шестьдесят один, да еще в нынешние

неспокойные времена, – это вам не шутки! Отдышался, достал из внутреннего кармана твидового пиджака сложенный в шестнадцать раз лист «Правды» и вновь перечитал заученную наизусть статью:

«Девушек со слабыми нервами сюда не пускали, медкомиссия строго нас проверяла, – рассказывает комсомолка Маша Якубовская, одна из тысяч комсомольцев-добровольцев, вызывавшихся строить московское метро. – Сначала я вместе с другими девушками с нашего завода «Каучук» нагружала на вокзале грузовики. Десятник над нами смеялся, твердил: «Шахты пробивать – работенка не для дам». Ребята, и в особенности наш бригадир Шептунов, тоже подтрунивали: «Единственное занятие, которое для вас здесь найдется, – это подметать. Метла и тряпка – вот орудия вашего производства». Но ведь мы, комсомолки, не какие-нибудь там неженки-смолянки, институтов благородных девиц не кончали. Решили мы с девушками организовать собственную женскую бригаду, чтобы доказать всем, что мы работы не боимся. Меня выбрали бригадиром.

Поручили нам рыть канавы на Хамовнической набережной – для узкоколейки, по которой грунт вывозился с нашей дистанции. Дневная норма – один ров на человека. А у нас многие комсомолки, смешно сказать, впервые в руки лопату взяли. И правда ведь метлой большие орудовали... К концу первого дня все разбитые, с кровавыми мозолями. И половину канавы не могли вырыть! Грунт каменный, глина со

льдом. Многие девушки – в слёзы. Да еще и обмундирование не по размеру, тонули мы в огромных брезентовых спецовках, в сапогах сорок четвертого размера.

Но когда шептуновцы опять стали шутить: «А ну-ка покажите, что от вашего маникюра осталось», – мы взялись за дело как следует. Ушили, подогнали свои спецовки. С сапогами уж ничего не попишешь, а вот мерзлый грунт придумали отогревать кострами. Было больно, тяжело, – но через неделю мы уже давали по полтора рва! Тут ребятам стало не до смеха. Вызвали мы шептуновцев на социалистическое соревнование. Через месяц мы давали по четыре рва каждая! Шептунов проиграл. Но подошел ко мне, пожал руку. А на собрании предложил нашу девичью бригаду перевести на квалифицированную, почетную работу – выкладывать мрамор на готовых станциях. Так я нашла профессию мечты и на завод «Каучук» уже не вернулась...»

Григорий Дмитриевич устало прикрыл глаза, вспоминая, как часами зябнул возле проходной «Каучука» – только чтобы услышать, что Мария там больше не работает. «Метро она теперь строит», – с уважением говорили заводчане. На какой из тринадцати станций первой очереди, разузнать не удалось. Единственной зацепкой стала эта статья в «Правде», напечатанная в феврале, три месяца назад.

Профессор встряхнул головой, мимолетно отметив, что ему совсем не жарко в шляпе – вентиляция в зале устроена превосходно, – и вновь уткнулся в вырезку:

«— А вы знаете, какой редкий мрамор довелось мне укладывать на станции «Красные ворота»? — воодушевленно говорит Маша, и глаза ее загораются. Комсомолка достает из кармана брезентовой куртки тонкий осколок, очень изящный, похожий на лепесток бордовой розы со светлыми прожилками. — Вот поглядите...

Маша бережно кладет осколок на мозолистую ладонь. Эти руки многое умеют, эти руки построили нам метро.

— Это шроша, — Маша ласково поглаживает осколок. — Красный мрамор. Понимаете, в мире красного мрамора очень мало. Что-то есть во Франции, но разве нужен нам чужой камень? Сами сумели эскалаторы построить, сами и камень нужный найдем! Наш архитектор, Иван Александрович Фомин, объездил весь Союз — и отыскал-таки в далёкой Грузии месторождение Старая Шроша. Удивительный материал оттуда привозят. Посмотрите, ведь этот известняк еще не до конца превратился в мрамор, он чуть помягче, с ним легче работать. А самое главное, в нем все еще можно разглядеть остатки древней морской фауны. У меня вот тут в осколке — хвостик крошечной рыбки, видите белые разводы? Этой рыбке — сотня миллионов лет! Мне Иван Александрович позволил взять. Сказал — дарит мне шрошу на удачу.

Маша улыбается, прижимая осколок к груди:

— И ведь сработало! Поступила я этим летом на вечернее, на архитектурный факультет! Хочу выучиться на ар-

хитектора, как Иван Александрович... А еще я всегда беру с собой талисман, когда прыгаю с парашютом. Мы с девчатами из бригады, а иногда и с шептуновцами, с которыми мы крепко подружились, частенько после работы садимся на Белорусском вокзале на паровичок – и через полтора часа на аэродроме. А там – скорее в воздух! Потом с парашютом, как на гигантских качелях, спускаюсь с небес прямо в огород, кричу, пою от восторга...

От редакции: Вот такие комсомольцы – с полетом, покорители всех стихий! – и работают на главной стройке века. Такие вот весёлые девчата несут на своих хрупких наших советскую страну в светлое будущее...»

Профессор аккуратно сложил вырезку по сгибам и спрятал обратно, поближе к сердцу, шепотом повторяя финальную строчку:

– «И в день открытия метро комсомолка Маша Якубовская обязательно придёт на самую любимую свою станцию, «Красные ворота», чтобы порадоваться вместе с первыми пассажирами...»

Григорий Дмитриевич поднял голову. Вокруг сновали сотни, тысячи людей – во всех плоскостях. Перетекали с одной платформы на другую, поднимались и опускались на движущихся лестницах, уносились в темные тоннели на ярко освещенных поездах, прихватив с собой последние осколки надежды профессора Дубелира.

Глупо было думать, что в этой толчее он встретит Марию.

А еще учёный называется, отругал себя Григорий Дмитриевич.

Так, что дальше? Поиски по архитектурным факультетам Москвы тоже еще не закончены, теперь известно, под какой фамилией Мария поступила в институт, надо еще поспрашивать знакомых... Лидия предлагала объехать все аэродромы в радиусе полутора часов от Белорусского вокзала. Жаль, что до Белорусского вокзала пока не проложили подземную линию, придётся набиваться в трамвай, а у Григория Дмитриевича сегодня, как назло, хороший пиджак и хорошая шляпа, сохранившиеся в почти идеальном состоянии с одна тысяча девятьсот восьмого года, когда его назначили экстраординарным профессором в Киевский политехнический институт Императора Александра II, где он читал курс лекций «Электрические железные дороги»... Да, дребезжащий, переполненный сверх всякой меры московский трамвай – это испытание для нервов и для одежды...

Но будем пробовать всё, решил Григорий Дмитриевич и шагнул в водоворот пассажиров.

Впрочем, даже и пары метров не прошел – людской поток тут же увлек профессора левее, к соседней нише, где зеваки образовали плотное полукольцо вокруг примечательной парочки: здоровенный парень в клетчатой рубашке активно размахивал руками перед высокой блондинкой с короткой стрижкой. Кумачовое платье барышни сливалось с мраморными стенами станции. В одной ручище парень за-

жал букетик увядших ландышей, в другой – нечто маленькое и блестящее. Профессор улыбнулся: похоже, «Красные ворота» для этих молодых людей станут входом в семейную жизнь. Парень у всех на виду делал барышне предложение.

Григорий Дмитриевич поправил очки и перевел взгляд на без пяти минут невесту.

И сердце его остановилось. На одно бесконечное мгновение. А потом страшно заколотилось, будто профессор прыгнул с парашютом.

Перед ним стояла Мария. Без сомнения, это она.

Повзрослевшая, с более резкими чертами лица, с более жестким взглядом. Вместо толстой пшеничной косы – задорные мальчишеские вихры. Вместо приталенных маминых нарядов с тысячью жемчужных пуговичек и кружевной пеной в зоне декольте – бесформенное хлопчатобумажное платье.

Поразительно, как может измениться человек за четыре долгих года!

Сегодняшняя Мария была совсем не похожа на себя семнадцатилетнюю... И все-таки это была она.

Профессор столько раз представлял себе эту встречу – а теперь вот не знал, что сказать, как сказать.

Григорий Дмитриевич почти беззвучно произнес:
– Мария...

Она его, конечно, не услышала. Всё внимание Марии было сосредоточено на парне в клетчатой рубаше. Тот как раз

завершил свою пламенную речь сообщением о том, что данное колечко он выточил собственноручно, на станке, а в качестве исходного материала использовал стальное полотно первой лопаты, которой его избранница рыла канавы на Хамовнической набережной. Затем умелец протянул любимой лопатное колечко вместе с измятыми ландышами и нарочито небрежно, но при этом покрывшись красными пятнами, сказал:

– Так ты согласна создать новую ячейку общества?

Профессор, не намереваясь ждать больше ни секунды, набрал полную грудь воздуха и во весь голос, перекрывая гомон толпы и гул подземных поездов, крикнул:

– Мария!

Барышня вскинула коротко стриженную голову:

– Папа?!

Толпа ахнула и выплеснула Григория Дмитриевича в нишу, на сцену к удивленной парочке.

– Как... Как ты меня нашел? – с трудом проговорила Мария. Профессор с болью отметил, что из ее речи бесследно исчезли характерные французские интонации, которыми дочь обзавелась еще в детстве, переняв их от матери, выпускницы Московского Усачевско-Чернявского училища Лидии Константиновны Якубовской.

Григорий Дмитриевич, сам того не осознавая, горячо и быстро заговорил с дочерью по-французски, как у них всегда было принято в семье. Он рассказывал, как после побега

Марии из дома они с матерью каждый день искали её, как дрожащими руками вскрывали редкие письма без обратного адреса, в которых дочь одной строчкой сообщала, что у нее всё в порядке, как он уволился с поста директора Автомобильно-дорожного института в Ленинграде, потому что поиски отнимали всё время, как едва не угодил в руки комиссаров НКПС из-за своей подозрительной отставки, ведь с таких должностей по своему желанию не уходят, и как объездил всю империю, то есть весь союз, под предлогом подготовки лекционного материала по дорожным покрытиям, а сам всё пытался напасть на след дочери...

Мария, нахмурившись, прервала его на полуслове:

– Говори по-русски, я советская комсомолка, а не танцовщица кабаре «Мулен Руж»!

Профессор Дубелир осекся, оглянулся на пассажиров, застывших с открытыми ртами, кашлянул и просто сказал:

– Милая, я без тебя отсюда не уйду. Мы с мамой очень ждём тебя дома. Прости за ту ссору. Ты уже всё доказала. Вернись домой, прошу тебя.

Мария отступила назад:

– У меня теперь совсем другая жизнь... Верно, Борис? – Она взяла под руку парня в клетчатой рубашке, который всё это время внимательно наблюдал за происходящим.

Тот деловито сказал: «На-ка, поддержи пока цветочки с кольцом», – и протянул руку профессору:

– Шептунов.

– Весьма рад, много читал о вас в «Правде», – грустно отозвался Григорий Дмитриевич, пожимая широкую горячую ладонь, – Дубелир. Простите, что помешал в столь ответственный момент...

– Погодите-ка! – воскликнул парень. – Тот самый Дубелир? Который профессор? Так мы же в техникуме занимались по вашим учебникам! «Городские улицы и мостовые», «Городские электрические трамваи» – вы написали? А планировку Мурманска, Киева, Ревеля, план ГОЭЛРО – тоже вы? И про автогужевые дороги, и про автомобильные, и про военные, и про железные... Все ваши труды – всё читал, всё! И даже стихи про вас знаю: «Славь, о лира, Дубелира»... Вот так встреча! Разрешите выразить полное инженерное уважение!

Шептунов еще раз схватил руку профессора и с большим воодушевлением ее потряс.

– Неужто вы отец Машеньки? Она никогда не говорила про свою семью, я уж думал, белогвардейцы, изменники родины, мало ли... А оказывается – сам профессор Дубелир Григорий Дмитриевич! Что же у вас приключилось, раз Маша вас знать не желает?

Григорий Дмитриевич устало махнул рукой:

– Мы настаивали, чтобы Мария продолжила музыкальное образование в консерватории... Вы знали, что она великолепно играет на арфе?

Шептунов поднял брови:

– Вот так сюрприз!

– Да, а кому в семнадцать лет понравится, когда родители на чем-то настаивают... Слово за слово, поссорились...

Григорий Дмитриевич обнаружил, что обращаться к сочувствующему Шептунову ему гораздо легче, чем напрямую к непокорной дочери. Да и зеваки к этому моменту уже стали расходиться.

Профессор откашлялся и продолжил:

– В конце концов Мария заявила, что не хочет иметь ничего общего с заплесневелыми буржуа, что мы ничего не понимаем в современной жизни, что она желает быть строителем коммунизма, а не арфисткой.. Хлопнула дверью и ушла в темноту. Это было четыре года назад. Боже мой, господин Шептунов...

– Товарищ, – мягко поправил Борис.

– Простите, ради бога, переволновался... Боже мой, товарищ Шептунов, сколько раз мы с Лидией пожалели о своем упрямстве, мы бы всё отдали за то, чтобы Мария осталась с нами... А ведь у нас с дочерью гораздо больше общего, чем она думает!

– Уверен, что да, – Шептунов по-доброму подмигнул Марии. Девушка вытянулась, как струна, и гордо фыркнула в ответ.

– А знаете, как меня называли в ее возрасте? – Дубелир снял очки и принялся их протирать, погружившись в ностальгию. – «Революционер». В девяносто восьмом году, на

пятом курсе петербургского Института инженеров путей сообщения Императора Александра Первого, я защитил весьма оригинальный дипломный проект. «Строительство метрополитена в Москве»! Это было нечто невиданное, дерзкое... Эпиграфом к диплому взял четверостишие из «Онегина»: «Мосты чугунные чрез воды шагнут широкою дугой. Раздвинем горы, под водой пророем дерзостные своды»... Аудитория – переполнена. Помню, как мне стоя аплодировал мой старенький профессор, все твердил, что гордится мной, и что мой диплом открывает новую эпоху транспортной доступности имперской России... Премию мне вручили. И что вы думаете? Мои студенческие идеи подхватили взрослые, именитые инженеры – Балинский, Кнорре, Дмитриев, Шереметьев, Руин... Загорелись страшно! Жаль, не взяли меня в команду, из газет всё узнавал...

Григорий Дмитриевич бросил короткий взгляд на дочь и радостно отметил, что Мария слушает его с интересом, даже подалась вперед. Голос профессора окреп:

– В тринадцатом году мосгордума наконец решилась – утвердила проект Руина, начались переговоры с английскими финансистами... Но тут вмешалась война. Несчастливым стал четырнадцатый год для московского метро! А вот для меня – очень счастливым. Ведь в том году родилась наша Мария...

Шептунов поднял ладонь:

– Вот что, товарищ Дубелир. Вы очень здорово рассказы-

ваете, слушал бы вас и слушал. Вы где в Москве остановились?

– Да я, собственно, тут родился, – профессор пожал плечами. – У меня комнатка осталась в Харитоньевском переулке. А вообще живу на два города – то в Москве, то Петербурге, то есть Ленинграде...

– Давайте к нам в общежитие, – решил Шептунов. – Обсудим всё как следует, по-инженерному! Маша нам картошечки отварит, с килькой жареной, а, Машунь?

– Но... – запротестовала Мария.

– Неужто я не могу пригласить к себе приятеля? – спросил Борис, подмигивая профессору.

– Можешь, но...

– Так как насчет картошки?

– Ладно, сделаю, – буркнула Мария, не глядя на отца.

А потом разревелась, как маленькая.

Григорий Дмитриевич кинулся ее утешать, обнял наконец-то, сам едва не расплакался и тут ощутил, что дочь вкладывает ему в ладонь что-то гладкое.

– Это же твой талисман! – ахнул профессор, поднося к мокрому глазам осколок мрамора в форме лепестка розы.

– Пусть будет у вас с мамой, – Мария утёрла слёзы и впервые улыбнулась – открыто, беззаботно, совсем как раньше. – Ну что, мальчики, поедem в общежитие на метро?

– Секундочку, – спохватился Шептунов. – Ты ведь так и не успела мне ответить. Выйдешь за меня?

Мария улыбнулась еще шире и произнесла с роскошным парижским акцентом:

– Oui, mon cher Шептунофф.

Григорий Дмитриевич сжимал в ладони тонкий мраморный осколок и чувствовал, как разливается от него тепло по всему телу. Сердце пылало, словно костёр, которым грели мерзлый грунт дерзкие девчата, строившие метро в Москве.